Призрак дома на холме

Автор:
Ширли Джексон

Призрак дома на холме

Ширли Джексон

Эксклюзивная классика (АСТ)

Одна из самых известных историй о доме с приведениями, ставшая вдохновением для сериала Netflix.

Старинный особняк на холме приносит его обитателям одни несчастья. Никто не рискует здесь не то, что жить, даже оставаться на ночь – говорят, Хилл-хаус стал пристанищем привидений.

Но однажды тишину дома нарушает шумная компания: доктор Монтегю, исследователь паранормальных явлений; Теодора, его беззаботная помощница; Элинор, хрупкая девушка, не понаслышке знакомая с полтергейстами; и Люк – будущий наследник Хилл-хауса. Никто даже не подозревает, каким кошмаром обернется их поездка…

Ширли Джексон

Призрак дома на холме

Леонарду Брауну

1

1

Ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума; говорят, сны снятся даже кузнечикам и жаворонкам. Хилл-хаус, недремлющий, безумный, стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму; он стоял здесь восемьдесят лет и вполне мог простоять еще столько же. Его кирпичи плотно прилегали один к другому, доски не скрипели, двери не хлопали; на лестницах и в галереях лежала незыблемая тишь, и то, что обитало внутри, обитало там в одиночестве.

Доктор Джон Монтегю формально считался антропологом; он защитил диссертацию в этой области из смутного чувства, что она наиболее близка к подлинному делу его жизни – изучению сверхъестественных явлений. Исследования доктора Монтегю были крайне далеки от науки, и лишь ученая степень могла придать им если не вес, то хоть некое подобие респектабельности, поэтому он никогда не забывал подчеркнуть свое звание. Арендовав Хилл-хаус на три месяца – со значительным ущербом для кошелька и гордости (ибо не любил униженно просить), – он твердо рассчитывал возместить потраченное сенсацией, которую вызовет его итоговая работа о причинах и формах парапсихологических феноменов в домах, обычно называемых «нехорошими». Всю жизнь он искал настоящий дом с привидениями и, услышав про Хилл-хаус, сперва засомневался, затем ощутил проблеск надежды и, наконец, рьяно взялся за дело: не в его характере было отступать перед трудностями, если впереди маячит достойная цель.

Доктор Монтегю намеревался позаимствовать методику у бесстрашных охотников за привидениями девятнадцатого столетия: он поселится в Хилл-хаусе и своими глазами увидит, что там происходит. В идеале следовало бы повторить эксперимент неназванной дамы, которая на целое лето собрала в Баллехин-хаусе[1 - Баллехин-хаус – усадьба в Пертшире. Выстроена в 1806 году, сгорела в 1963-м; пользовалась репутацией «самого нехорошего дома в Шотландии». По слухам, там происходили различные сверхъестественные события, включая явления духа умершей монахини. Общество паранормальных исследований сняло дом на длительный срок и в 1899 году опубликовало в газетах подробный отчет о своих наблюдениях.] скептиков и убежденных

сторонников сверхъестественного, – гости отдыхали на лоне природы, играли в крокет и в довершение удовольствия наблюдали за привидениями. Однако в наши дни скептики, убежденные сторонники сверхъестественного и хорошие игроки в крокет почти перевелись, и доктор Монтегю был вынужден нанять ассистентов. Возможно, неспешность викторианской жизни более способствовала подобным методам исследования, а возможно, тщательная фиксация паранормальных явлений как способ установить их достоверность в значительной степени себя изжила; так или иначе, ассистентов пришлось нанимать за деньги.

К работе он приступил со всей ответственностью и добросовестностью: прошерстил архивы парапсихологических обществ, подшивки скандальных газет и отчеты экстрасенсов; в итоге получился список людей, которые так или иначе, в то или иное время, пусть на короткий срок либо при неподтвержденных обстоятельствах соприкасались с потусторонним. Из списка доктор Монтегю в первую очередь вычеркнул тех, кто уже умер. Потом – тех, кого счел обманщиками либо слабоумными, а также тех, кто не подходил для его целей, поскольку явно стремился привлечь все внимание к себе. Осталось человек десять-двенадцать. Все они получили от доктора Монтегю приглашение провести лето либо часть лета в уютной сельской усадьбе, старой, однако со всеми удобствами: канализацией, электричеством, центральным отоплением и чистыми постелями. Цель – недвусмысленно объяснялось в письме – проверить сомнительные слухи, окружающие дом на протяжении всей его восьмидесятилетней истории.

Доктор Монтегю не писал открыто, что Хилл-хаус – дом с привидениями, поскольку был ученым и не смел верить в свою удачу, пока лично не засвидетельствует там аномальные явления. Таким образом, письма содержали некую сдержанную двусмысленность, которая гарантированно должна была возбудить любопытство у строго определенной категории читателей. Доктор Монтегю получил четыре ответа: остальные кандидаты либо переехали, не оставив нового адреса, либо утратили вкус к сверхъестественному, либо просто никогда не существовали. Четырем ответившим доктор Монтегю написал снова: указал, с какого числа Хилл-хаус официально ждет гостей, и привел подробные инструкции, как туда добраться, поскольку (вынужден он был объяснить) местное население сведения о доме сообщает крайне неохотно. За день до отъезда доктора Монтегю убедили включить в число избранных еще и представителя семьи владельцев. Тогда же пришла телеграмма от одного из кандидатов, в которой тот под явно вымышленным предлогом отказывался участвовать в мероприятии. Еще один кандидат не явился и не написал –

возможно, из-за непредвиденных личных обстоятельств. Остальные двое приехали.

2

Элинор Венс ко времени поездки в Хилл-хаус исполнилось тридцать два, и после смерти матери она по-настоящему ненавидела только одного человека – старшую сестру. К мужу сестры и пятилетней племяннице она питала стойкую антипатию, друзьями так и не обзавелась, главным образом потому, что последние одиннадцать лет ухаживала за лежачей матерью, в результате чего приобрела навыки профессиональной сиделки и привычку моргать от яркого света. Во всей ее взрослой жизни не было и одной по-настоящему счастливой минуты: годы с матерью прилежно складывались из мелких провинностей и мелких упреков, постоянной усталости и нескончаемого отчаяния. Вовсе не желая становиться робкой и застенчивой, Элинор столько времени провела в одиночестве, без людей, которых могла бы полюбить, что в разговорах, даже самых незначащих, вечно смущалась и с трудом подыскивала слова.

В список доктора Монтегю она попала из-за давнего происшествия: когда им с сестрой было двенадцать и восемнадцать соответственно, меньше чем через месяц после смерти отца на их дом без всякого предупреждения и без всякой видимой цели обрушился град камней, которые падали с потолка, громко скатывались по стенам, разбивали окна и молотили по крыше. Камнепад продолжался без остановки три дня. Все это время Элинор и ее сестру нервировали не столько камни, сколько ежедневная толпа зевак перед крыльцом и беспочвенные, истерические уверения матери, что несчастье вызвано злобой завистливых соседей, якобы возненавидевших ее с самого приезда. На четвертый вечер Элинор и сестру отправили ночевать к знакомым, после чего камнепад прекратился и больше не возобновлялся, хотя Элинор с матерью и сестрой продолжали жить в доме, а вражда с соседями сохранила прежний накал. Историю забыли все, за исключением людей, с которыми консультировался доктор Монтегю, и уж точно забыли Элинор и ее сестра, во время самих событий тайно винившие друг дружку.

Всю жизнь Элинор подспудно ждала чего-то вроде Хилл-хауса. Ухаживая за матерью, перекладывая раздражительную старуху с инвалидного кресла в постель, бесконечно таская подносики с овсянкой или бульоном, перебарывая брезгливость, чтобы приступить к стирке, она держалась исключительно верой:

что-то должно произойти. На приглашение пожить в Хилл-хаусе она ответила с той же почтой, хотя муж сестры и требовал прежде навести справки – не собирается ли так называемый доктор вовлечь Элинор в языческие ритуалы, связанные с тем, о чем, по мнению его жены, незамужней девушке знать не положено. Быть может, шептала сестра в супружеской спальне, где никто, кроме мужа, ее не слышал, доктор Монтегю – если это его настоящее имя, – быть может, доктор Монтегю использует женщин для неких… хм… опытов, ну, ты понимаешь, какие опыты я имею в виду (подобные опыты ее живо интересовали). Элинор то ли не знала о таком, то ли не боялась. Другими словами, готова была ехать куда угодно.

Теодора (она обходилась одним этим именем, без фамилии; наброски подписывала «Тео», а в телефонной книге, на двери дома, в витрине магазинчика, под очаровательной фотографией хозяйки над камином и на ее тонированной почтовой бумаге значилось «Теодора») – так вот, Теодора была полной противоположностью Элинор. Долг и ответственность она предоставляла герлскаутам. Ее мир состоял из удовольствий и пастельных тонов; в список доктора Монтегю она попала, потому что – со смехом войдя в лабораторию и обдав всех ароматом цветочных духов – как-то умудрилась (к собственному растущему восторгу) правильно назвать восемнадцать из двадцати, пятнадцать из двадцати, девятнадцать из двадцати карточек, которые показывал ассистент в соседней комнате. Беспрецедентное достижение Теодоры сохранилось в архивах лаборатории и неизбежно должно было попасть на глаза доктору Монтегю. Письмо от него ее позабавило, и она ответила из любопытства (а может, то спящее в Теодоре знание, которое помогло ей угадать символы на карточках за стеной, потянуло ее к Хилл-хаусу), но с твердым намерением отказаться. Тем не менее – возможно, из-за того же бередящего чувства, – получив от доктора Монтегю второе письмо, она потеряла покой и почти сразу закатила беспричинный скандал прелестному существу, с которым вместе снимала комнату. С обеих сторон прозвучали оскорбительные слова, какие может загладить лишь время. Теодора безжалостно разбила очаровательную статуэтку – свой портрет работы прелестного существа, а прелестное существо нещадно изорвало в клочки томик Мюссе, полученный от Теодоры на день рождения, в особенности страницу с нежной, иронической дарственной надписью. И то и другое было, разумеется, совершенно непростительно; прежде чем они смогут посмеяться над происшедшим, должно было пройти хотя бы несколько недель. Теодора в тот же вечер написала доктору Монтегю, что принимает приглашение, и отбыла на следующий день в холодном молчании.

Люк Сандерсон был лгунишкой. И вором. Его тетка, владелица Хилл-хауса, любила говорить, что у племянника лучшее образование, лучшие костюмы, лучший вкус и худшие друзья, каких только можно вообразить. Она ухватилась бы за любую возможность сплавить его куда-нибудь на несколько недель. Семейный адвокат, узнав о целях доктора Монтегю, потребовал, чтобы в доме вместе с ним для порядка поселился кто-нибудь со стороны хозяев, а доктор при первой же встрече разглядел в Люке некую силу или, вернее, кошачий инстинкт самосохранения, после чего возжелал заполучить Люка в помощники с тем же пылом, с каким миссис Сандерсон хотела от того избавиться. Так или иначе, Люк нашел это решение забавным, его тетка вздохнула с облегчением, а доктор Монтегю был более чем доволен. Семейному адвокату миссис Сандерсон сказала, что по крайней мере в Хилл-хаусе Люку нечего будет красть: фамильное серебро представляет определенную ценность, но едва ли соблазнит ленивого племянника.

Миссис Сандерсон была несправедлива к Люку: он не стал бы воровать серебряные ложки, или часы доктора Монтегю, или браслет Теодоры. Его нечестность ограничивалась тем, что он таскал у тетки из бумажника мелкие купюры и жульничал за карточным столом. Еще Люк имел привычку обращать в наличность часы и портсигары, которые ему, мило краснея, дарили тетушкины приятельницы. Со временем он должен был унаследовать Хилл-хаус, но никогда не предполагал там жить.

3

– Я бы вообще не давал ей машину, – объявил муж сестры.

– Это и моя машина, – возразила Элинор, – мы купили ее в складчину.

– И все равно я считаю, что не надо давать, – повторил муж сестры, обращаясь к жене. – С какой стати она будет раскатывать на ней все лето, а мы останемся без машины?

– Керри постоянно водит, а я никогда, – упорствовала Элинор. – И вообще вы на все лето едете в горы, там вам машина не нужна. Керри, ведь вы же не будете пользоваться машиной в горах?

– А если бедная Линни заболеет? И надо будет везти ее к врачу?

– Машина наполовину моя, – сказала Элинор, – и я ее возьму.

– А если заболеет Керри? Если мы не сможем найти врача и придется ехать в больницу?

– Мне нужна машина, и я ее возьму.

– Об этом не может быть и речи, – с растяжкой проговорила Керри. – Мы даже не знаем, куда ты собралась. Ты не соблаговолила поставить нас в известность. В таких обстоятельствах я не могу дать тебе мою машину.

– Это и моя машина.

– Нет, – отрезала Керри. – Ты ее не возьмешь.

– Верно, – кивнул муж сестры. – Керри же объяснила – машина нужна нам самим.

Керри самую чуточку улыбнулась.

– Я никогда себе не прощу, Элинор, если дам тебе машину и что-нибудь случится. С какой стати мы должны доверять этому доктору? Ты еще довольно молода, а машина стоит больших денег.

– Вообще-то, Керри, я звонил Гомеру в кредитный отдел – он сказал, что этот доктор и впрямь работает в каком-то там колледже…

Керри, все с той же улыбкой, перебила мужа:

– Конечно, у нас нет оснований не верить в его порядочность. Однако Элинор не соблаговолила сказать, куда едет и как с ней связаться, если нам потребуется машина. Случись что, мы вообще концов не найдем. Даже если Элинор, – продолжала она вкрадчиво, обращаясь к чайной чашке, – даже если Элинор готова мчаться на край света, это еще не значит, что я должна давать ей свою машину.

– Она наполовину моя.

– А если бедная Линни заболеет? В горах? Где нет ни одного врача?

– И вообще, Элинор, я поступаю, как сказала бы мама. Она мне доверяла и уж точно не позволила бы отпускать тебя неведомо куда на моей машине.

– Или, допустим, я заболею, в горах…

– Я совершенно уверена, Элинор, что мама меня поддержала бы.

– И к тому же, – муж сестры внезапно отыскал решающий аргумент, – где гарантии, что ты ее не разобьешь?

Все когда-нибудь бывает первый раз, сказала себе Элинор. Было раннее утро. Она вылезла из такси, дрожа при мысли, что у сестры и ее мужа как раз сейчас могли закрасться первые подозрения, и быстро вытащила чемодан, пока таксист снимал с переднего сиденья картонную коробку. Элинор дала ему излишне щедрые чаевые, думая в это время, не появятся ли сейчас из-за угла сестра с мужем, и воображая, как они кричат: «Вот она где, воровка, так мы и думали!» Нервно оглядываясь, она торопливо шагнула к воротам гаража и налетела на крохотную старушонку. Та выронила свои кульки: один порвался, на асфальт выпали мятый кусок чизкейка, булочка и нарезанный помидор.

– Чтоб тебе, чтоб тебе! – завизжала крохотная старушонка в самое лицо Элинор. – Я это домой несла, чтоб тебе, чтоб тебе!

– Простите. – Элинор нагнулась, но поняла, что помидорные ломтики и чизкейк уже невозможно собрать и сложить в лопнувший пакет.

Старушонка торопливо ухватила второй кулек, пока до него не дотянулась Элинор. Девушка с виноватой улыбкой выпрямилась.

– Мне правда очень жаль, – судорожно выговорила она.

– Чтоб тебе, – повторила крохотная старушонка уже тише, – я несла это себе на завтрак. А теперь, из-за тебя…

– Может быть, я заплачу? – Элинор взялась за бумажник.

Старушонка замерла.

– Не могу я взять у тебя денег, – сказала она наконец. – Понимаешь, я ведь это не покупала, просто собрала, что другие не съели. – Старушонка сердито причмокнула губами. – Видела бы ты ветчину, но ее раньше меня ухватили. И шоколадный торт. И картофельный салат. И маленькие конфетки в бумажных розеточках. Ничего-то я не успела. А теперь… – Обе разом глянули на размазанный по асфальту чизкейк, и крохотная старушонка продолжила: – Как видишь, я не могу вот так просто взять у тебя деньги за чужие объедки.

– Тогда, может, я куплю вам что-нибудь взамен? Я страшно тороплюсь, но если мы найдем магазин, который уже открыт…

Крохотная старушонка ухмыльнулась.

– Ну, у меня тут еще крошечку есть, – сказала она, крепко прижимая к себе уцелевший пакет. – Можешь оплатить мне такси до дома. Так меня уж точно никто больше не собьет.

– С радостью. – Элинор повернулась к водителю, с интересом наблюдавшему за их разговором. – Отвезете эту даму?

– Двух долларов хватит, – заметила старушонка, – ну и чаевые этому джентльмену. При моем росточке, – с удовольствием объяснила она, – при моем росточке это просто беда – вечно кто-нибудь налетает. Зато как приятно встретить человека, который готов загладить свою вину. Другие с ног собьют и не обернутся.

При помощи Элинор старушонка вместе с пакетом забралась в такси. Элинор вытащила из бумажника два доллара пятьдесят центов и вручила старушонке, которая крепко зажала их в сухоньком кулачке.

– И куда едем? – спросил таксист.

Старушонка хихикнула.

– Скажу, как тронемся, – бросила она и обратилась к Элинор: – Удачи тебе, милочка. Следующий раз смотри, куда идешь, чтобы еще кого не сбить.

– До свидания, – сказала Элинор, – и простите еще раз.

– Ничего-ничего, – крикнула старушонка через окно – такси как раз тронулось с места. – Я буду за тебя молиться, деточка.

«Что ж, – подумала Элинор, глядя вслед такси. – Хотя бы один человек будет обо мне молиться. Хотя бы один».

4

Был первый по-настоящему солнечный летний день, и, как обычно, он пробудил у Элинор болезненные воспоминания о раннем детстве, когда, казалось, стояло нескончаемое лето; до того холодного сырого вечера, в который умер отец, зим на ее памяти не было. В последние быстролетные годы она все чаще задумывалась: «На что ушли все эти летние дни, неужто я растратила их впустую? Я дурочка, – убеждала она себя, – полная дурочка, ведь теперь я взрослая и знаю цену вещам: ничто не пропадает зря, даже в детстве». И все же каждое лето в одно прекрасное утро ее обдавало на улице теплое дыхание ветерка и тут же бросало в холод от мысли: «Я вновь упустила время». Однако сегодня за рулем их общей машины, взятой без разрешения, что в глазах сестры и зятя будет равноценно угону, следуя по своей полосе, пропуская пешеходов и поворачивая на разрешенных поворотах, она улыбалась косым лучам солнечного света между домами и думала: «Я еду, я еду, я наконец-то решилась».

В тех редких случаях, когда сестра пускала ее за руль, Элинор вела машину крайне осторожно, чтобы избежать малейшей царапины или вмятины, которые вызвали бы неизбежный семейный скандал, однако сейчас все было иначе: на заднем сиденье стояла ее коробка, на полу – чемодан, на переднем пассажирском лежали плащ, перчатки и бумажник, и весь автомобильчик полностью принадлежал Элинор, собственный замкнутый мирок. «Я еду, –

думала она, – я правда еду».

На последнем городском светофоре, перед поворотом на шоссе, она вытащила из бумажника письмо доктора Монтегю. Надо же, до чего предусмотрительный человек, даже карта не понадобится… «Шоссе номер тридцать девять до Эштона, – говорилось в письме, – потом сворачиваете влево на шоссе номер пять к западу. Меньше чем через тридцать миль будет поселок Хиллсдейл. Проедете его насквозь и увидите слева бензоколонку, а справа – церковь, там свернете влево на проселочную дорогу: она ведет в холмы и сильно размыта. По ней до конца – это миль шесть, – и вы окажетесь перед воротами Хилл-хауса. Я пишу такие подробные указания, поскольку не советую останавливаться в Хиллсдейле и спрашивать дорогу. Местные жители грубы с чужаками, а всякие расспросы о Хилл-хаусе встречают с откровенной враждебностью. Я буду очень рад, если вы к нам присоединитесь, и надеюсь на встречу в четверг двадцать первого июня…»

Зажегся зеленый; Элинор свернула на шоссе и выехала из города. «Теперь, – думала она, – никто меня не поймает; им даже неизвестно, куда я направляюсь».

До сих пор она еще никогда не ездила одна так далеко. Глупо было делить такой чудный путь на часы и мили; ведя машину точно между разделительной полосой слева и полосой деревьев справа, Элинор представляла его как череду мгновений, увлекающих ее за собой по немыслимо новой дороге в новое место. Путешествие само по себе было ее свершением, цель не представлялась никак, а возможно, и вовсе не существовала. Элинор хотела насладиться каждым поворотом, она любовалась шоссе, деревьями, домами, маленькими уродливыми городишками и дразнила себя мыслью, что может остановиться, где вздумает, и осесть там навсегда. Можно поставить машину на обочине – хотя на самом деле это запрещено, и если она так поступит, ее накажут, напоминала себе Элинор, – и уйти за деревья в манящие поля. Можно бродить до изнеможения, гоняться за бабочками или следовать вдоль ручья, а с приближением ночи выйти к избушке, где бедный дровосек даст ей приют. Можно навсегда поселиться в Ист-Баррингтоне, или Десмонде, или административном центре Берк, а можно просто ехать и ехать куда глаза глядят, покуда колеса не изотрутся вконец и она не окажется на краю света.

«А с тем же успехом, – подумала она, – можно доехать до Хилл-хауса, где меня ждут и где мне обещаны комната, стол и символическое вознаграждение за то, что я бросила все дела и умчалась невесть куда на поиски приключений.

Интересно, какой он, доктор Монтегю? Интересно, какой он, Хилл-хаус? Интересно, кто еще там будет?»

Элинор уже довольно далеко отъехала от города и теперь ждала поворота на шоссе номер тридцать девять – волшебную нить, проложенную для нее доктором Монтегю, единственную из дорог мира, ведущую в Хилл-хаус; никакой другой путь не связывает ее прежний дом с местом, куда ей хочется попасть. И доктор Монтегю не подвел ни в единой мелочи. Под указателем «Шоссе № 39» был прибит и второй: «Эштон, 121 миля».

Дорога, закадычная подруга Элинор, петляла меж полей и садов, являя за каждым поворотом новые чудеса: то смотрящую из-за ограды корову, то апатичную собаку, ныряла в лощины, где притаились тихие городки. На главной улице одного из них девушка миновала большой дом с колоннами, оградой, ставнями на окнах и каменными львами у входа. Ей подумалось, что она могла бы жить здесь, каждое утро стирать со львов пыль, каждый вечер гладить их по голове и желать им доброй ночи. «Сейчас – это сегодня, такое-то июня, – убеждала она себя, – но притом какое-то совсем другое время, новое и длинное-предлинное: за несколько секунд я прожила в доме со львами целую жизнь. Каждое утро я мела крыльцо и стирала со львов пыль, каждый вечер гладила их по голове и желала им доброй ночи. А раз в неделю я мыла им гривы, морды и лапы теплой водой с содой, чистила пасти щеткой. В доме были высокие потолки, сверкали натертые полы и оконные стекла. Хлопотливая старушка экономка в крахмальном фартуке по утрам приносила мне серебряный сливочник, чайник и чашку на подносе, а на сон грядущий – стаканчик бузинного вина, оно так полезно для здоровья. Я обедала в одиночестве за полированным столом в просторной тихой гостиной; на обшитой белыми панелями стене между двумя высокими окнами горели в канделябре свечи. Ела птицу, редис из своего сада и домашний сливовый джем. Засыпала под белым кисейным пологом, и меня охранял ночник в коридоре. На улицах прохожие со мною раскланивались, потому что весь город гордился моими львами. А когда я умерла…»

Город давно остался позади, и теперь Элинор ехала мимо грязных заколоченных ларьков и порванных плакатов. Видимо, когда-то, очень давно, в этих краях была ярмарка и проводились мотоциклетные гонки. Кое-где на плакатах уцелели слова. «ОЙ», прочла Элинор на одном и «ЛИХО» на другом. Она рассмеялась, поймав себя на том, что везде ищет дурные знамения. На самом деле тут написано «ЛИХОЙ». Лихой водитель. Элинор сбросила скорость, поняв, что едет слишком быстро и может оказаться в Хилл-хаусе чересчур рано.

В одном месте она и вовсе остановилась, едва веря своим глазам. Уже примерно с четверть мили вдоль шоссе тянулся ровный ряд ухоженных олеандров, покрытых белыми и розовыми цветами. Теперь Элинор доехала до ворот, вернее, двух полуразрушенных каменных колонн, за которые уходила в пустые поля дорога. Олеандры отступали от дороги, образуя большой квадрат: Элинор видела его дальнюю сторону – ряд олеандров, вероятно, вдоль какой-то речушки. Внутри квадрата не было ничего – ни жилого дома, ни какого-либо другого строения, только прямая дорога, упирающаяся в реку. «Что здесь было? Что здесь было и исчезло или что должно было здесь возникнуть и не возникло? Дом? Сад? Сгинули они навеки или вернутся? Олеандры ядовиты, – вспомнила Элинор. – Быть может, они что-то охраняют? Если я вылезу из машины и пройду в разрушенные ворота, окажусь ли я там, на олеандровом квадрате, в волшебной стране, защищенной ядовитыми кустами от глаз проезжающих? Шагнув между волшебными колоннами, миную ли я невидимую границу, разрушу ли чары? Я вступлю в благоуханный сад с фонтанами, низкими скамейками и розами, вьющимися по ажурным стенам беседок, увижу тропинку, вероятно, усыпанную изумрудами и рубинами и такую мягкую, что Суламита могла бы ступать по ней в легких сандалиях, и эта тропинка приведет меня к зачарованному замку. Я пройду по каменным ступеням меж мраморных львов во дворик, где журчит фонтан и королева в слезах ждет возвращения дочери. При виде меня она выронит пяльцы и закричит слугам – будя их от столетнего сна, – чтобы готовили пир, ибо чары разрушены и замок вновь стал собой. И мы будем жить долго и счастливо.

Нет, конечно, – думала Элинор, трогая машину с места, – ведь как только дворец станет виден, падет все заклятье и местность за олеандрами обретет свою истинную форму: города, дорожные знаки и коровы растают, останутся зеленые сказочные холмы. И оттуда прискачет принц в зеленом наряде, расшитом серебром, с сотней лучников на резвых конях, под плещущим стягом, в блеске драгоценных камней…»

Она рассмеялась и с прощальной улыбкой обернулась к волшебным олеандрам. «В другой раз, – сказала она им, – в другой раз я вернусь и разрушу ваше заклятье».

Когда спидометр показал, что пройдена сто одна миля, Элинор остановилась перекусить. Она отыскала деревенский ресторанчик под названием «Старая мельница» и вскоре – о диво! – уже сидела на балконе над стремительной речкой, глядя на мокрые камни и дурманящий блеск текучей воды. Перед ней

стояла хрустальная миска с творогом, а рядом лежали завернутые в салфетку кукурузные початки. Поскольку в это время и в этих краях чары возникают и рассеиваются быстро, Элинор хотелось растянуть ланч – ведь она знала, что Хилл-хаус никуда не денется. Кроме нее в ресторанчике была только семья: отец с матерью и двое детей, мальчик и девочка. Они тихо говорили между собой; раз девочка повернулась и с нескрываемым любопытством взглянула на Элинор, потом, через минуту, улыбнулась. Солнечные зайчики от воды бегали по потолку, по столикам, по девочкиным кудряшкам, и мать девочки сказала:

– Она хочет чашку со звездами.

Элинор удивленно подняла глаза.

Девочка отодвинулась от стола, упрямо не желая пить молоко. Отец хмурился, брат хихикал, а мать сказала тихо:

– Она хочет чашку со звездами.

«Да, – подумала Элинор, – да, и я тоже, чашку со звездами, полную чашку звезд».

– У нее есть чашка, – объясняла мать, виновато улыбаясь официантке, у которой в голове не укладывалось, как это можно не пить свежайшее деревенское молоко. – Там на дне звезды, и дома она пьет молоко только из этой чашки. Понимаете, звезды просвечивают, и она их видит, когда пьет. – Официантка кивнула, не убежденная, а мать обратилась к девочке: – Вечером будешь пить молоко из чашки со звездами, а сейчас выпей немножко из стакана, ну пожалуйста. Будь умницей.

Не пей, внушала Элинор девочке, требуй чашку со звездами; как только тебя обманом уговорят стать как все, не будет тебе больше ни чашки, ни звезд. Девочка снова взглянула на нее, улыбнулась с полным пониманием (на щеках появились маленькие ямочки) и упрямо мотнула головой. Молодец, подумала Элинор, молодец, ты умная и отважная.

– Ты ее балуешь, – сказал отец. – Нельзя потакать детским капризам.

– Только один раз. – Мать поставила стакан и ласково тронула девочку за руку. – Съешь мороженое.

Когда семья уходила, девочка помахала Элинор, и Элинор помахала в ответ, затем в блаженном одиночестве допила кофе, глядя на резвящийся внизу ручей. «Мне не так уж много осталось ехать, – подумала она, – меньше половины пути. Я почти на месте». И тут же в голове заплясал, искрясь, как вода, обрывок мелодии, а с ним – слово-другое. «Если медлишь, – подумала Элинор, – проиграешь»[2 - Шекспир У. Песенка шута из «Двенадцатой ночи», перевод А. Кронеберга.].

Она чуть не осталась навсегда в пригороде Эштона, потому что увидела домик в глубине сада. «Я могла бы жить здесь одна, – подумала Элинор, сбрасывая скорость, чтобы разглядеть вьющуюся дорожку к синей двери, совершенство которой дополняла белая кошка на крыльце. – Никто бы меня здесь, за розами, не нашел, а для надежности я бы еще насадила вдоль дороги олеандры. Холодными вечерами я буду топить камин и печь там яблоки. Я заведу много белых кошек и сошью на окна белые занавески. Иногда я буду неспешно прогуливаться в лавочку, покупать там чай, корицу и нитки. Люди станут приходить ко мне за предсказаниями судьбы; я буду варить любовное зелье для несчастливых девушек и держать в клетке щегла…» Однако домик остался далеко позади, надо было искать следующую дорогу, так тщательно указанную доктором Монтегю.

«Потом сворачиваете влево на шоссе номер пять к западу», – говорилось в письме, и вот, словно доктор Монтегю дистанционно управлял ее машиной, так и произошло: теперь она ехала по шоссе номер пять к западу, и от места назначения ее отделяли считаные мили. Вопреки совету Элинор решила сделать короткую остановку в Хиллсдейле. «Я только выпью чашечку кофе, – подумала она, – чтобы еще чуточку растянуть путешествие. Доктор Монтегю ведь не написал про кофе, только про то, что нельзя спрашивать дорогу к Хилл-хаусу; может быть, если я не стану упоминать Хилл-хаус, ничего страшного не произойдет. И вообще, это моя последняя возможность».

Хиллсдейл начался раньше, чем она поняла, что уже в него въехала: мешанина грязных домов и кривых улочек. Городок был такой маленький, что, вырулив на центральную улицу, Элинор сразу увидела ее конец с бензоколонкой и церковью. В Хиллсдейле обнаружилась только одна малоприятного вида кафешка вроде вокзального буфета, однако Элинор твердо решила выпить здесь

кофе, поэтому остановила машину у разбитого тротуара и вышла. После недолгого раздумья она молча кивнула Хиллсдейлу и, памятуя про чемодан на полу и коробку на заднем сиденье, заперла машину. «Я не задержусь тут надолго», – сказала она себе, оглядывая улицу, темную и безобразную даже в солнечном свете.

В тени под стеной беспокойно спала собака, из дверей дома напротив Элинор пристально разглядывала какая-то женщина, а к ограде прислонились двое подростков – в их молчании ощущалось нечто нарочитое. Элинор боялась чужих собак, язвительных теток и хулиганов; покрепче сжав бумажник и ключи от машины, она торопливо шагнула в кафешку. За стойкой торчала усталая девица без подбородка, в дальнем конце завтракал мужчина. При виде серой стойки и блюда с пончиками под грязной стеклянной миской у Элинор мелькнула мысль: как же надо проголодаться, чтобы прийти сюда есть.

– Кофе, пожалуйста, – обратилась она к девице за стойкой. Девица нехотя повернулась к полке и загремела чашками. «Я выпью здесь кофе, потому что я так решила, – строго сказала себе Элинор, – но в следующий раз буду слушаться доктора Монтегю».

Девицу за стойкой и мужчину в углу связывала некая понятная лишь им двоим шутка; ставя Элинор чашку, девица глянула на него с легкой полуулыбкой; он пожал плечами, и она хохотнула. Элинор подняла голову, но девица изучала свои ногти, а мужчина вытирал хлебом тарелку. Может быть, кофе отравлен – во всяком случае, его вид наводил на такую мысль. Элинор твердо вознамерилась исследовать Хиллсдейл до самых глубин, поэтому попросила еще и пончик. Девица стряхнула пончик на блюдце и поставила на столик. За это время они с мужчиной еще дважды обменялись взглядами, и девица снова хохотнула.

– Уютный у вас городок, – сказала Элинор. – Как называется?

Девица вытаращила глаза – видимо, никто еще не награждал Хиллсдейл лестным эпитетом «уютный», – покосилась на мужчину, словно ожидая подтверждения, и ответила:

– Хиллсдейл.

– Давно вы здесь живете? – спросила Элинор. «Я не буду упоминать Хилл-хаус, – заверила она далекого доктора Монтегю, – я просто хочу потратить впустую еще чуточку времени».

– Да, – ответила девица.

– Приятно, наверное, жить в таком тихом месте. Я приехала из большого города.

– Вот как?

– Вам тут нравится?

– Да ничего, – сказала девица и снова поглядела на мужчину. Он внимательно слушал. – Скучно только.

– А много у вас тут людей?

– Да не особо. Хотите еще кофе? – Вопрос адресовался мужчине, который постукивал чашкой по блюдечку. Элинор судорожно отпила буроватую жидкость и удивилась, что тому захотелось повторить.

– Часто к вам приезжают? – спросила она, когда девица принесла мужчине кофе и вернулась к полкам. – Я хотела сказать, туристы?

– А чего им приезжать? – С минуту девица смотрела на Элинор пустым – немыслимо пустым – взглядом, затем угрюмо покосилась на мужчину и добавила: – У нас даже киношки нет.

– Холмы очень красивые. Горожане часто приезжают в такие вот поселки и строят дома в холмах. Подальше от людей.

Девица хмыкнула.

– У нас не строят.

– Или покупают и ремонтируют старые…

– Подальше от людей… – Девица снова хмыкнула.

– Просто странно, – заметила Элинор, чувствуя на себе взгляд мужчины.

– Ага, – сказала девица. – Даже если киношку сделают.

– Я, наверное, поезжу по округе, – осторожно проговорила Элинор. – Старые дома обычно дешевы, а перестраивать их очень интересно.

– Только не здесь, – объявила девица.

– Так у вас тут нет старых домов? – спросила Элинор. – В холмах?

– Нет.

Мужчина встал, вынул из кармана мелочь и заговорил впервые с тех пор, как вошла Элинор.

– Народ отсюда бежит, – сказал он. – Отсюда, а не сюда.

Дверь за ним закрылась, и девица глянула на Элинор почти укоризненно, словно та спугнула его своей болтовней.

– Так и есть, – сказала она наконец. – Кому повезло, тот уезжает.

– А вы почему не уедете? – спросила Элинор.

Девица пожала плечами.

– А где лучше-то? – Она равнодушно приняла у Элинор деньги и отсчитала сдачу. Потом стрельнула глазами на пустые тарелки в дальнем конце стойки и почти улыбнулась. – Он каждый день приходит.

Элинор тоже улыбнулась и открыла было рот, но девица уже принялась греметь чашками на полке. Элинор, поняв, что разговор окончен, с облегчением встала, взяла со стола ключи и бумажник.

– До свидания, – сказала она, и девица, не оборачиваясь, ответила:

– Всего доброго. Желаю вам найти свой дом.

5

Дорога от бензоколонки и церкви действительно была вся в выбоинах и камнях. Автомобильчик Элинор дергался и подпрыгивал, не желая забираться глубже в безрадостные холмы. День, казалось, быстро гас под мрачными деревьями по обе стороны дороги. Редко же тут ездят, подумала Элинор с горечью, круто поворачивая баранку, чтобы не налететь на особенно коварный валун. Шесть миль по такой дороге не пойдут автомобилю на пользу; впервые за несколько часов она вспомнила про сестру и рассмеялась. Теперь сестра с мужем уже точно поняли, что она угнала машину, но не знают куда; наверняка оба сейчас ошарашенно говорят друг другу, что никак не ждали такого от Элинор. «Я сама такого от себя не ждала, – подумала она, продолжая тихонько хихикать. – Все теперь другое, я – новый человек, очень далеко от дома». «Если медлишь – проиграешь…» Она ойкнула, потому что автомобильчик налетел на камень и со зловещим скрежетом в районе днища чуть не пошел назад, но тут же героически превозмог себя и продолжил подъем. Ветки хлестали по лобовому стеклу, быстро темнело. Умеет себя подать Хилл-хаус, отметила Элинор, интересно, бывает ли тут вообще солнце? Наконец машина последним рывком преодолела кучу палой листвы и сучьев на дороге и оказалась на поляне перед воротами.

«Зачем я здесь? – беспомощно подумала Элинор в ту же самую секунду. – Зачем я здесь?» Между деревьями уходила каменная стена с высокими угрюмыми воротами; даже из машины Элинор видела большой висячий замок и пропущенную сквозь прутья цепь, которой он был обмотан. За воротами дорога продолжалась и поворачивала в тени высоких неподвижных деревьев.

Поскольку ворота были очевидно заперты – на висячий замок, на засов и на цепь (интересно, кто так хочет сюда прорваться?), – Элинор не стала вылезать из машины, а нажала на клаксон. Деревья и ворота вздрогнули и чуточку попятились от гудка. Через минуту она засигналила вновь, и наконец на дороге показался человек, такой же мрачный и неприветливый, как замок. Он угрюмо оглядел ее через прутья.

– Чего вам надо? – Голос у него был злой, резкий.

– Я хочу въехать. Пожалуйста, откройте ворота.

– С какой стати?

– Ну… – Она осеклась и не сразу нашла слова. – Мне надо попасть внутрь.

– Зачем?

– Меня ждут.

«Или нет? – внезапно промелькнуло в голове. – Быть может, на этом все и закончится?»

– Кто?

Элинор, конечно, понимала, что он нарочно измывается над нею, демонстрируя власть, как будто, открыв ворота, потеряет свое крохотное временное преимущество. «А какое преимущество у меня? – подумала она. – Я ведь за воротами». Поскандалить, что она позволяла себе крайне редко из страха проиграть, означало бы только одно: он уйдет, а она останется ни с чем. Она даже предвидела, какое лицо он сделает, когда его позже станут ругать, – злобная усмешка, расширенные пустые глаза, обиженно-визгливые нотки в голосе: «Я бы ее впустил, я собирался ее впустить, но откуда мне было знать наверняка? Я человек подневольный, что мне сказали, то я и делаю. А если бы я впустил кого не положено, кто бы отвечал?» Элинор даже вообразила, как он пожимает плечами, и, вообразив, рассмеялась, чего сейчас ни в коем случае делать не следовало.

Не сводя с нее глаз, человек попятился от ворот.

– Приезжайте попозже, – сказал он и с видом торжествующей праведности повернулся к ней спиной.

– Послушайте, – крикнула она вслед, стараясь не выказать раздражения, – я приехала к доктору Монтегю, он ждет меня в доме… Пожалуйста, послушайте!

Человек обернулся и злорадно объявил:

– Никто вас там не ждет, потому что, кроме вас, никто пока не приехал.

– Вы хотите сказать, в доме никого нет?

– А кому там быть-то? Разве только моя жена прибирается. Так что и ждать вас там некому, согласитесь.

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза, думая: Хилл-хаус, в тебя так же трудно попасть, как в рай.

– Надеюсь, вы понимаете, во что влезаете? Вам ведь сказали там, в городе? Вы что-нибудь слыхали про это место?

– Меня пригласил сюда доктор Монтегю. Пожалуйста, откройте ворота, чтобы я могла въехать.

– Я открою, я открою. Я просто хочу убедиться, что вы понимаете, куда собрались. Вы бывали здесь прежде? Может, родственница? – Теперь он вновь смотрел на нее, и его желчное лицо между прутьев было такой же преградой, как замок и цепь. – Я не могу вас впустить, пока не буду знать наверняка, верно? Как, вы сказали, вас зовут?

Она вздохнула.

– Элинор Венс.

– Значит, не родственница. Вы что-нибудь про это место слыхали?

«Это мой шанс, – подумала она, – мой последний шанс. Можно развернуть машину перед воротами и уехать, никто меня не осудит. Каждый вправе сбежать». Она высунулась в окошко и сказала со злостью:

– Я Элинор Венс. Меня ждут в Хилл-хаусе. Немедленно откройте ворота.

– Ладно-ладно.

Он с нарочитой медлительностью вставил ключ, повернул, открыл замок, размотал цепь и открыл ворота ровно настолько, чтобы в них могла проехать машина. Элинор медленно тронулась с места, однако поспешность, с которой человек отскочил к обочине, рождала нелепую мысль, будто он прочел мелькнувшее у нее мстительное желание. Она рассмеялась и тут же затормозила, потому что человек приближался – осторожно, сбоку.

– Вам тут не понравится. Вы еще пожалеете, что я отпер ворота.

– Отойдите, пожалуйста, – потребовала она. – Вы и так надолго меня задержали.

– Думаете, кто угодно согласится отпирать эти ворота? Думаете, кто другой проработал бы здесь с наше? Мы тут, значит, живем, следим за домом, отпираем ворота всяким там городским умникам, а теперь еще и слова не скажи?

– Пожалуйста, отойдите от машины.

Элинор не решалась признаться себе, что напугана, из страха, что незнакомец почувствует ее состояние. Он стоял вплотную к дверце, и в такой близости было что-то гадкое. Сила его неприязни казалась совершенно необъяснимой. Неужто он считает дом и сад за воротами своей собственностью? В памяти всплыла фамилия из письма доктора Монтегю, и Элинор спросила с любопытством:

– Вы Дадли, сторож?

– Да, я Дадли, сторож, – передразнил он. – А кто еще, по-вашему?

Честный слуга семьи, подумала она, гордый, верный и с отвратительным характером.

– Так здесь живете только вы и ваша жена?

– А кто еще, по-вашему? – повторил он свою похвальбу, свое проклятье, свой рефрен.

Элинор отпустила сцепление и легонько вдавила педаль газа, надеясь, что Дадли поймет намек и посторонится.

– Я уверена, что вы с супругой чудесно нас тут разместите. А сейчас я хотела бы как можно скорее попасть в дом.

Дадли неодобрительно хмыкнул.

– Я лично, – сказал он, – я лично тут после темноты не остаюсь.

Он с усмешкой отступил от машины, крайне довольный собой. Элинор тронулась, по-прежнему чувствуя на себе его взгляд и думая: будет теперь всю дорогу выглядывать из кустов, скалясь, как Чеширский кот, и кричать: «Скажи спасибо, что кто-то готов тут торчать, по крайней мере до темноты!» Дабы показать себе, что мысль об ухмылке сторожа Дадли нисколько ее не пугает, она принялась насвистывать и с легким раздражением узнала мелодию, весь день крутившуюся в голове. «Если медлишь – проиграешь…» Подумай о чем-нибудь другом, Элинор, – строго сказала она. – Раз остальные слова упорно не желают вспоминаться, значит, они совершенно неподобающие, и если ты подъедешь к Хилл-хаусу, распевая их в голос, то навсегда себя скомпрометируешь».

За деревьями, на фоне холмов, иногда проглядывал кусок крыши или, возможно, башни Хилл-хауса. Как странно в те времена строили, подумала она, с башенками, контрфорсами и деревянной резьбой, иногда даже с готическими шпилями и горгульями; украшения лепили, где только могли. Может быть, в Хилл-хаусе есть башня, или потайная комната, или ход в холмы, которым пользуются контрабандисты – только что возить контрабандой в этих одиноких холмах? «Быть может, я встречу рокового красавца контрабандиста и…»

Элинор обогнула последний поворот и оказалась лицом к лицу с Хилл-хаусом; не успев даже ничего подумать, она нажала на тормоз и осталась сидеть, неотрывно глядя на дом.

Он был ужасен. Элинор вздрогнула и подумала – слова как будто сами возникли в голове: «Хилл-хаус ужасен. Он болен, уезжай отсюда немедленно».

2

1

Человеческий глаз неспособен вычленить то несчастливое сочетание линий и ландшафта, которое придает дому зловещий вид, и все же некое безумное соседство, неудачный угол, случайное соединение неба и ската крыши превращало Хилл-хаус в приют отчаяния. Фасад как будто жил своей жизнью: пустые глаза окон пристально смотрели из-под злорадно изогнутых карнизов-бровей. Почти всякое здание, застигнутое врасплох или в непривычном ракурсе, глядит на зрителя с добродушным юмором; шаловливо торчащая труба или слуховое окошко – ни дать ни взять ямочка на щеке – сразу располагают к дружбе. Дом, который всегда начеку, всегда высокомерно враждебен, может быть только злым. Хилл-хаус, казалось, возник под руками строителей помимо их воли, самолично, по собственному мощному замыслу определяя будущие линии и углы; он вздымал свою главу на фоне неба без всякого снисхождения к человеческому. Дом без доброты, место, где нельзя жить, любить и надеяться. Экзорцизм бессилен изменить облик здания: Хилл-хаус будет таким, каков он есть, покуда не рухнет.

Надо было повернуть у ворот, подумала Элинор, чувствуя атавистический холодок в желудке; она разглядывала силуэт крыши, тщетно пытаясь распознать, в чем его ужас; руки так заледенели, что не с первой попытки удалось вытащить сигарету, а страшнее всего был звучащий в голове голос, который нашептывал: уезжай отсюда, уезжай.

«Однако я затем и ехала в такую даль, – сказала она себе, – я не могу повернуть назад. И потом, Дадли надо мной посмеется, если я попрошу снова открыть ворота».

Стараясь не глядеть на фасад (она даже не сказала бы, какого цвета дом, насколько велик или в каком стиле выстроен, только что он непомерно огромен, мрачен и смотрит на нее сверху вниз), Элинор проехала до лестницы, которая, не оставляя пути к отступлению, вела на террасу к большой парадной двери. Перед крыльцом дорога раздваивалась и шла в обе стороны вдоль дома. Элинор решила, что потом, возможно, отгонит машину туда и найдет что-нибудь вроде гаража, но сейчас ей не хотелось так уж бесповоротно лишать себя возможности

к бегству. Она лишь чуть отъехала от крыльца вбок, чтобы не перекрывать дорогу следующим гостям. Будет жаль, если кто-нибудь увидит дом без такой утешительной черточки, как припаркованный человеческий автомобиль, мрачно подумала она и вылезла из машины, прихватив чемодан и плащ. В голове мелькнула дурацкая мысль: «Ну вот я и на месте».

Моральным подвигом было поставить ногу на первую ступеньку. Глубокое нежелание прикасаться к Хилл-хаусу шло от явственного чувства, что он ее ждет, злобный, но терпеливый. Час любви, поверь, настанет, подумала Элинор, вспомнив наконец свою песенку, и рассмеялась, стоя на ступенях Хилл-хауса, если медлишь – проиграешь, – и она решительно поднялась на террасу. Хилл-хаус резко сомкнулся вокруг нее тенью, звук шагов по доскам оскорблял полнейшую тишину, как будто сюда очень давно не ступала человеческая нога. Элинор взялась за тяжелый дверной молоток (у него было личико ребенка), намереваясь произвести шум – много шума – и окончательно уведомить Хилл-хаус о своем прибытии, когда дверь внезапно распахнулась. Перед Элинор стояла женщина, которая, если подобное стремится к подобному, могла быть только женою человека у ворот.

– Миссис Дадли? – спросила Элинор, переведя дух. – Я – Элинор Венс. Меня ждут.

Женщина молча посторонилась. Фартук у нее был чистый, прическа – аккуратная, и тем не менее она, как и муж, производила впечатление неряхи, а ее угрюмая подозрительность вполне соответствовала его зловредному упрямству. «Нет, – сказала себе Элинор, – дело отчасти в том, что здесь темно, отчасти – в том, что я заранее вообразила ее уродиной. Не увидь я Хилл-хаус, была бы я так несправедлива к этим людям? В конце концов, они просто его сторожат».

Вестибюль, в котором они стояли, был перегружен темным деревом и тяжелой резьбой, с дальней стороны уходила вверх массивная лестница. Выше, надо думать, тянулся коридор во всю ширину дома; Элинор различала широкую площадку и по другую сторону лестничного колодца закрытые двери. Справа и слева от нее, в противоположных концах вестибюля, располагались большие двустворчатые двери, украшенные резными плодами, колосьями и живностью; во всем доме она не видела ни одной открытой двери.

Элинор попыталась заговорить, но ее голос утонул в сумеречной тиши, так что пришлось начать снова.

– Вы проводите меня в мою комнату? – спросила она наконец, указывая на чемодан и наблюдая, как дрожащее отражение руки погружается все глубже и глубже в темноту паркета. – Если я правильно поняла, никто пока больше не приехал? Вы… вы ведь миссис Дадли?

«Я сейчас расплачусь, – подумала она, – по-детски, навзрыд, крича: «Мне тут плохо!»

Миссис Дадли начала подниматься по лестнице. Элинор, взяв чемодан, двинулась за единственным живым существом в доме. «Да, – повторяла она про себя, – мне тут плохо». Миновав последнюю ступеньку, миссис Дадли повернула вправо, и Элинор поняла, что здесь строители отказались от всяких изысков, вероятно поняв, каким будет дом, вне зависимости от их выбора. Весь второй этаж состоял из длинного прямого коридора, куда выходили двери спален; Элинор представилось, как строители с неприличной поспешностью завершают второй и третий этажи, располагая комнаты по самому простому плану, без всяких прикрас – лишь бы поскорее отсюда убраться. В левом конце коридора располагалась вторая лестница, ведущая, надо думать, из комнат для слуг на третьем этаже в кухню на первом, а в правом – еще одна комната, устроенная в торце, где больше всего света. Если не считать темной деревянной резьбы и серии плохих эстампов, с неприятной педантичностью развешанных точно через равные промежутки, ровную прямизну коридора нарушала лишь череда дверей. Все они были закрыты.

Миссис Дадли пересекла коридор и открыла дверь – возможно, наугад.

– Это синяя комната, – сказала она.

По расположению лестницы можно было заключить, что комната выходит окнами на подъездную аллею. «Анна, сестрица Анна»[3 - Синяя комната – в сказке Перро та каморка, в которой Синяя Борода прятал тела убитых жен. Анна – сестра героини; когда муж требует несчастную женщину на расправу, та несколько раз спрашивает: «Анна, сестрица Анна, ты ничего не видишь?» (то есть «Не едут ли братья нам на помощь?»).], – подумала Элинор и с облегчением шагнула к свету из комнаты.

– Как мило, – сказала она, стоя на пороге, исключительно из чувства, что надо хоть что-нибудь сказать. Комната была вовсе не милая, а, напротив, заключала в

себе ту же резкую дисгармонию, что и весь Хилл-хаус.

Миссис Дадли заговорила, адресуясь, по всей видимости, к стене:

– Обед будет стоять на буфете в столовой к шести часам ровно. По тарелкам можете раскладывать сами. Посуду я уберу с утра. Завтрак я готовлю к девяти. Таковы мои условия. Поддерживать в комнатах такой порядок, как вам хотелось бы, я не могу, а помощницу мне вы все равно не найдете. Я никому не прислуживаю. Я здесь работаю, но это не значит, что я стану кому-нибудь прислуживать.

Элинор кивнула, неуверенно стоя в дверях.

– Я подаю обед и немедленно ухожу, – продолжала миссис Дадли. – До того, как начнет смеркаться. Дотемна я тут не задерживаюсь.

– Знаю, – сказала Элинор.

– Мы живем в поселке, в шести милях отсюда.

– Да, – ответила Элинор, вспоминая Хиллсдейл.

– Так что если вам потребуется помощь, тут никого не будет.

– Я поняла.

– Ночью мы вас даже не услышим.

– Вряд ли я…

– Никто не услышит. Ближе поселка никто тут не живет. Даже и не подходит.

– Знаю, – устало повторила Элинор.

– По ночам, – миссис Дадли даже не попыталась спрятать улыбку, – в темноте.

С этими словами она вышла и закрыла за собой дверь.

Элинор едва не рассмеялась, представив, как кричит: «Ой, миссис Дадли, помогите, я боюсь темноты», – и тут же поежилась.

2

Она стояла рядом с чемоданом, по-прежнему держа перекинутый через руку плащ, в высшей степени несчастная, и беспомощно повторяла про себя, что «час любви, поверь, настанет». Больше всего ей хотелось домой. Позади остались темная лестница и вестибюль с блестящим паркетом, большая парадная дверь, миссис Дадли и мистер Дадли с его ухмылкой, замок и засовы, Хиллсдейл и домик в саду, семейство в ресторане, олеандры и особняк со львами у входа – все это под безошибочным приглядом доктора Монтегю привело ее в синюю комнату Хилл-хауса. «Ужасно, – подумала Элинор, испытывая сильнейшее нежелание двигаться, поскольку войти в комнату означало признать, что она согласна здесь жить, – ужасно, я не хочу тут оставаться, но и ехать больше некуда». Письмо доктора Монтегю привело ее сюда; дальше пути нет. Через минуту она вздохнула и, тряхнув головой, прошла через комнату и поставила чемодан на кровать.

– Вот я и в синей комнате Хилл-хауса, – вполголоса проговорила Элинор, хотя комната была самая настоящая и, вне всяких сомнений, действительно синяя: синие репсовые шторы на обоих окнах (они выходили на лужайку перед террасой), синий узорчатый ковер на полу; в ногах застеленной синим покрывалом кровати было сложено синее одеяло. Темные панели по стенам доходили до высоты плеча, дальше шли голубые обои с веночками из мелких синих цветов. Может быть, кто-то рассчитывал оживить синюю комнату Хилл-хауса хорошенькими обоями, не понимая, что в Хилл-хаусе такая надежда сразу испарится, оставив по себе лишь слабый намек, как еле слышный отзвук далекого рыдания… Элинор встряхнулась и оглядела комнату целиком. Некая ошибка планировки вносила мучительную диспропорцию, так что в одном направлении стена всегда казалась чуть длиннее, чем способен вынести глаз, а в другом – чуть короче, чем нужно, чтобы не почувствовать себя в западне. «И здесь я должна спать? – подумала Элинор, не в силах в это поверить. – Какие кошмары таятся в высоких углах? Какое дыхание необъяснимого страха коснется моих губ?.. – Она снова встряхнулась. – Очнись, Элинор, очнись…»

Она открыла чемодан и, с блаженным облегчением сняв жесткие городские туфли, принялась распаковывать вещи. За этим стояло чисто женское подсознательное убеждение, что лучший способ успокоиться – сменить обувь на более удобную. Вчера, складывая чемодан, она собрала одежду, которая, на ее взгляд, должна подойти для уединенного загородного дома, и даже в последнюю минуту выскочила и купила – поражаясь собственной дерзости – две пары брюк. Элинор уже и не помнила, когда последний раз надевала брюки. «Мама пришла бы в бешенство, – думала она тогда, убирая покупку на дно чемодана, – по крайней мере, если мне не хватит смелости их надеть, никто и не узнает, что они у меня есть». Теперь, в Хилл-хаусе, они уже не казались такими новыми.

Элинор вытащила вещи небрежно, криво повесила платья на плечики, не глядя бросила брюки в нижний ящик комода с мраморной столешницей, а туфли – в угол большого гардероба. Взятые с собой книги уже не вызывали у нее энтузиазма. «Наверное, я так и так здесь надолго не задержусь», – подумала она, закрывая пустой чемодан и ставя его в угол гардероба; за пять минут можно будет уложиться снова. Элинор поймала себя на том, что пытается поставить чемодан совершенно беззвучно, потом сообразила, что все это время ходит по комнате в одних чулках, боясь произвести хоть малейший шум, как будто тишина – непременное требование Хилл-хауса; ей вспомнилось, что миссис Дадли тоже ступает неслышно. Она замерла посреди комнаты, в давящей тишине, и подумала: «Я – маленькое существо, проглоченное чудищем, и оно ощущает в себе мое копошение».

– Нет! – сказала Элинор вслух, и слово эхом отразилось от стен и потолка. Она быстро прошла через комнату и раздвинула синие шторы, однако толстое стекло приглушало солнечный свет, а увидеть за ним можно было лишь крышу террасы и полоску газона перед крыльцом. Где-то внизу стоит автомобильчик, на котором можно отсюда уехать. «Час любви, поверь, настанет; я здесь по собственному выбору». И тут она поняла, что боится пройти через комнату.

Элинор стояла спиной к окну, переводя взгляд с гардероба на комод, с комода на кровать и убеждая себя, что бояться нечего, когда далеко внизу хлопнула дверца автомобиля, затем послышались быстрые, почти танцующие шаги на веранде и – неожиданный, немыслимый – грохот дверного молотка. «Ну вот, кто-то еще приехал, – подумала Элинор, – я больше не буду здесь одна». Почти со смехом она пробежала по комнате и через коридор, чтобы заглянуть с лестницы в вестибюль.

– Слава богу, вы здесь, – выдохнула она, вглядываясь в полумрак. – Слава богу, хоть одна живая душа!

Элинор без удивления поняла, что говорит так, будто миссис Дадли ее не слышит, хотя миссис Дадли стояла в вестибюле, прямая и бледная.

– Поднимайтесь сюда, – продолжала Элинор. – Вам придется самой нести свой чемодан.

Она запыхалась и говорила без умолку – облегчение прогнало всегдашнюю робость.

– Меня зовут Элинор Венс, и я так рада, что вы здесь!

– Я Теодора. Просто Теодора. И можно на «ты». Этот кошмарный дом…

– Наверху не лучше. Идите сюда. Скажите ей, пусть поселит вас рядом со мной.

Теодора вслед за миссис Дадли поднялась по массивной лестнице, недоверчиво разглядывая витраж на площадке, мраморную вазу в нише, узорчатый ковер. Чемодан у нее был куда тяжелее, чем у Элинор, и куда шикарнее; Элинор, выступившая вперед, чтобы помочь новоприбывшей, порадовалась, что ее вещи благополучно убраны с глаз долой.

– Погодите, пока увидите спальни. Моя, думаю, прежде служила бальзамировочной.

– О таком доме я мечтала всю жизнь, – ответила Теодора. – Убежище, где можно остаться наедине со своими мыслями. Особенно если это мысли об убийстве, самоубийстве или…

– Зеленая комната, – холодно произнесла миссис Дадли, и Элинор с внезапной неприязнью почувствовала, что легкомысленные или критические отзывы о доме каким-то образом задевают экономку. «Может быть, она убеждена, что Хилл-хаус нас слышит», – сказала себе Элинор и тут же пожалела о своем предположении. Наверное, она поежилась, потому что в следующий миг Теодора ласково, успокаивающе положила ей руку на плечо. «Она прелесть, – подумала

Элинор, улыбаясь в ответ, – ей не место в этом темном, тоскливом доме. Впрочем, мне тоже здесь не место, и вообще никому». И тут она рассмеялась, увидев, с каким выражением Теодора оглядывает зеленую комнату.

– Боже, – выдохнула та, искоса глядя на Элинор, – как очаровательно. Ну просто беседка.

– Обед будет стоять на буфете в столовой к шести часам ровно, – сказала миссис Дадли. – По тарелкам можете раскладывать сами. Посуду я уберу с утра. Завтрак я готовлю к девяти. Таковы мои условия.

– Ты напугана, – заметила Теодора, глядя на Элинор.

– Поддерживать в комнатах такой порядок, как вам хотелось бы, я не могу, а помощницу мне вы все равно не найдете. Я никому не прислуживаю. Я здесь работаю, но это не значит, что я стану кому-нибудь прислуживать.

– Это просто пока я думала, что буду здесь совсем одна, – ответила Элинор.

– После шести я ухожу, – продолжала миссис Дадли. – До того, как начнет смеркаться.

– Теперь я здесь, – сказала Теодора, – так что все хорошо.

– У нас общая ванная, – объявила Элинор невпопад. – Все спальни в точности одинаковые.

В комнате у Теодоры были зеленые репсовые шторы, зеленый плед на постели и такое же одеяло в ногах, обои с зелеными гирляндами, комод с мраморной столешницей и гардероб – в точности как у Элинор.

– В жизни не видела ничего ужаснее, – проговорила Элинор, почти срываясь на крик.

– Все как в лучших гостиницах, – объявила Теодора, – или в приличных летних лагерях для девочек.

– Я не задерживаюсь дотемна, – продолжала миссис Дадли.

– Если ночью будете кричать, никто не услышит, – пояснила Элинор. Поймав на себе вопросительный взгляд Теодоры, она поняла, что мертвой хваткой вцепилась в дверную ручку, поэтому тут же разжала пальцы и уверенно прошла через комнату. – Надо будет придумать, как открыть окна.

– Так что если вам потребуется помощь, тут никого не будет, – сказала миссис Дадли. – Ночью мы вас даже не услышим. Никто не услышит.

– Теперь все нормально? – спросила Теодора.

Элинор кивнула.

– Ближе поселка никто тут не живет. Даже и не подходит.

– Наверное, ты проголодалась, – сказала Теодора. – Я умираю, как хочу есть. – Она поставила чемодан на кровать и сбросила туфли, продолжая говорить: – От голода я просто зверею: рявкаю на людей и разражаюсь слезами.

Она вытащила из чемодана свободного покроя брюки.

– По ночам, – миссис Дадли улыбнулась, – в темноте, – и закрыла за собой дверь.

Через минуту Элинор сказала:

– А еще она ходит совершенно беззвучно.

– Милейшая старушенция. – Теодора оглядела комнату. – Беру назад свои слова насчет лучших гостиниц. Это вылитая школа-пансион, в которой я одно время училась.

– Идем, покажу мою. – Элинор открыла дверь ванной и провела Теодору в синюю комнату. – Когда ты приехала, я только распаковала вещи и уже думала сложить их обратно.

– Бедная крошка. Ты совершенно точно умираешь с голоду. А я, когда увидела этот домище снаружи, только об одном могла думать: вот бы здорово было стоять здесь и смотреть, как он горит. Может, перед отъездом…

– Так ужасно тут совсем одной.

– Видела бы ты мой пансион во время каникул! – Теодора вернулась в свою спальню.

Звук и движение в двух комнатах немного приободрили Элинор. Она поправила одежду на плечиках в гардеробе и поровнее сложила книжки на прикроватном столике.

– А знаешь, – крикнула Теодора через ванную, – это правда похоже на первый день в новой школе: все такое чужое и гадкое, ты никого не знаешь и тебе страшно, что все будут смеяться над твоей одеждой.

Элинор, которая как раз открыла ящик, чтобы вытащить брюки, замерла, потом рассмеялась и бросила брюки на кровать.

– Я правильно поняла, – продолжала Теодора, – что миссис Дадли не придет, если мы ночью будем визжать от страха?

– Таковы ее условия. А ты встретила у ворот милого старичка?

– Мы чудесно побеседовали. Он сказал, что не впустит меня, а я сказала, что впустит. Потом я хотела его задавить, но он отпрыгнул. Слушай, нам обязательно сидеть в комнатах и ждать? Я бы надела что-нибудь поудобнее. Или надо будет нарядиться к обеду?

– Я не стану, если ты не станешь.

– А я не стану, если не станешь ты. Нас двоих им не одолеть. И вообще, пошли гулять – мне не терпится выбраться из-под этой крыши.

– Здесь очень рано темнеет, в холмах, под деревьями…

Элинор снова подошла к окну, однако на лужайке по-прежнему лежал солнечный свет.

– По-настоящему стемнеет не раньше чем через час. Я хочу выйти и покататься по траве.

Элинор выбрала красный свитер, думая, что в этой комнате и в этом доме красный свитер и купленные к нему красные босоножки будут не совпадать по тону, хотя вчера цвета казались достаточно близкими. «Ну и поделом мне, – подумала она, – никогда таких вещей не носила, нечего было и начинать». Однако отражение в большом зеркале на дверце гардероба выглядело на удивление хорошо, почти успокаивающе.

– Ты знаешь, кто еще приедет? – спросила Элинор. – И когда?

– Доктор Монтегю, – ответила Теодора. – Я думала, он приедет первым.

– Ты давно знаешь доктора Монтегю?

– В глаза не видела. А ты?

– И я. Ты заканчиваешь одеваться?

– Я готова.

Теодора прошла через ванную в комнату Элинор. «Какая она симпатичная, – подумала Элинор, – хотела бы я быть такой». На Теодоре была ярко-желтая блузка. Элинор сказала со смехом:

– От тебя в комнате больше света, чем от окон.

Теодора подошла к зеркалу и одобрительно себя оглядела.

– Думаю, в этом унылом месте наш долг – выглядеть как можно ярче. Твой красный свитер – самое то: нас с тобой будет видно через весь Хилл-хаус. – По-прежнему разглядывая себя в зеркале, она спросила: – Как я понимаю, доктор Монтегю тебе написал?

– Да. – Элинор смутилась. – Я сперва подумала, это шутка. Но муж моей сестры навел справки…

– Знаешь, – медленно проговорила Теодора, – до последней минуты… наверное, до ворот… я не верила, что Хилл-хаус и правда есть. Все-таки не ждешь, что такое может быть.

– Однако некоторые надеются, – промолвила Элинор.

Теодора рассмеялась и, круто повернувшись, взяла ее за руку.

– Теперь мы двое детей в лесу, – сказала она. – Идем исследовать окрестности.

– Не стоит уходить далеко от дома…

– Обещаю свернуть назад по первому твоему слову. Как ты считаешь, надо предупредить миссис Дадли, что мы отправляемся гулять?

– Наверняка она следит за каждым нашим шагом, и это тоже условие, которое она поставила.

– Интересно, кому? Графу Дракуле?

– Ты думаешь, это он здесь живет?

– Думаю, он проводит здесь выходные. Клянусь, я видела в деревянной резьбе внизу летучих мышей. Вперед, вперед!

Они сбежали по лестнице, стуча каблуками, внося жизнь и свет в сумерки украшенных деревянной резьбой стен. Миссис Дадли стояла в вестибюле и молча смотрела на них.

– Мы идем гулять, миссис Дадли, – весело сказала Теодора. – Будем где-нибудь неподалеку.

– И скоро вернемся, – добавила Элинор.

– Обед будет на буфете в столовой к шести часам, – повторила миссис Дадли.

Элинор с усилием потянула на себя парадную дверь. Первое впечатление не обмануло – дверь и впрямь была очень тяжелая. Элинор подумала, что на обратном пути им ее не открыть.

– Не закрывай, – бросила она Теодоре через плечо. – Она ужасно тяжелая. Давай поставим сюда вазу, чтобы не захлопнулась.

Теодора подкатила из угла вестибюля большую каменную вазу, и они вместе установили ее в двери. После темноты дома вечерний свет показался неожиданно ярким, в воздухе пахло свежестью. За спиной у них миссис Дадли отодвинула вазу, и дверь захлопнулась.

– Очаровательная старушенция, – сообщила закрытой двери Теодора.

Лицо ее заострилось от гнева, и Элинор подумала: «Надеюсь, она никогда не посмотрит так на меня. – И тут же удивилась сама себе: – Я всегда стесняюсь новых людей, а тут не прошло и получаса, как Теодора стала мне близка и необходима – настолько, что я боюсь вызвать ее гнев».

– Полагаю… – неуверенно начала она и сразу успокоилась, потому что при звуке ее голоса Теодора немедленно улыбнулась. – Полагаю, что в дневные часы, когда миссис Дадли здесь, я найду себе очень важное занятие далеко-далеко от дома. Утаптывать площадку под теннисный корт, например. Или ухаживать за виноградом в оранжерее.

– Наверное, ты сможешь подменить мистера Дадли у ворот.

– Или искать в крапиве безымянные могилы…

Они стояли у перил террасы; отсюда им была видна вся подъездная аллея до поворота и, вдалеке среди холмов, тонкая ниточка дороги, по которой они приехали. Если не считать электрических проводов, идущих к дому из-за деревьев, Хилл-хаус казался ничем не связанным с остальным миром. Элинор пошла вдоль террасы, которая, похоже, опоясывала весь дом.

– Ой, смотри! – сказала она, поворачивая за угол.

За домом громоздились холмы: огромные, затопленные летней зеленью, пышные и безмолвные.

– Так вот почему он зовется Хилл-хаусом, – пробормотала Элинор невпопад.

– Очень по-викториански, – заметила Теодора. – Викторианцы обожали такую чрезмерную грандиозность и с головой зарывались в бархатные складки, кисти и лиловый плюш. В более раннее или более позднее время дом поставили бы на холме, где ему самое место, а не сюда, в яму.

– На вершине холма его бы все видели. Я за то, чтобы он оставался скрытым.

– Теперь я все время буду бояться, что холмы на нас рухнут, – объявила Теодора.

– Не рухнут. Просто будут сползать, незримо и беззвучно, пока не накроют с головой. И никуда мы от них не убежим.

– Спасибо, – тихо сказала Теодора, – ты отлично довершила то, что начала миссис Дадли. Я немедленно собираю чемодан и еду домой.

Элинор в первый миг поверила, но тут же различила веселье на лице Теодоры и подумала: «Она гораздо храбрее меня». Неожиданно – хотя позже это станет привычным штрихом, узнаваемой чертой того, что связывалось у Элинор с именем Теодора, – та уловила ее мысли и ответила на них.

– Не надо все время бояться. – Теодора пальцем тронула Элинор за щеку. – Мы не знаем, откуда берется наша храбрость.

И она сбежала по ступеням на лужайку между купами высоких деревьев, крикнув через плечо:

– Догоняй! Я хочу поискать, есть ли здесь ручей.

– Не стоит уходить далеко, – напомнила Элинор.

Словно две школьницы, они припустили по лужайке: даже после недолгого пребывания в Хилл-хаусе их радовал внезапно открывшийся простор, радовала трава под ногами после жестких полов; почти звериный инстинкт влек девушек на звук и запах воды.

– Сюда! – крикнула Теодора. – Здесь тропка.

Ручей журчал дразняще близко, тропка петляла между деревьями – то тут, то там им открывался вид на подъездную аллею, – но все время под уклон, дальше от дома. Лес закончился, начался каменистый луг, и Элинор сразу почувствовала себя лучше, хоть и заметила, что солнце висит уже в неприятной близости от нагромождения холмов. Она позвала Теодору, однако та лишь крикнула: «Вперед, вперед!» – и побежала дальше по тропке, но почти сразу ойкнула и остановилась перед самым ручьем, который почти без предупреждения выпрыгнул у нее из-под ног. Элинор, подойдя сзади обычным шагом, успела поймать ее за руку, и обе со смехом повалились на берег ручья.

– Ох и любят же здесь пугать приезжих, – сказала Теодора, переводя дух.

– Скажи спасибо, что не упала в воду, – проворчала Элинор. – Нечего было нестись сломя голову.

– А здесь мило, правда?

Ручей тек стремительно, легкая рябь поблескивала на солнце; по обоим берегам трава спускалась к самой воде, желтые и голубые цветы клонили свои головки. За пологим склоном начинался еще один луг, а за ним, далеко – высокие холмы, все еще озаренные косыми вечерними лучами.

– Мило, – уверенно повторила Теодора, словно подводя итог.

– Я точно здесь раньше бывала, – сказала Элинор. – Может быть, в детской книжке.

– Ничуть не сомневаюсь. Умеешь пускать «блинчики»?

– Сюда принцесса приходит на свидания с волшебной золотой рыбкой, которая на самом деле – переодетый принц…

– Уж больно он должен быть маленький, твой принц, в ручье всей глубины – не больше трех дюймов.

– Тут есть камешки, чтобы перебраться на другую сторону, и крохотные рыбки – наверное, мальки.

– И все они – переодетые принцы. – Теодора растянулась на солнышке и зевнула. – Головастики?

– Мальки. Для головастиков уже не время, глупышка, но мы наверняка найдем лягушачью икру. Я в детстве ловила мальков руками и отпускала.

– Из тебя бы вышла отличная фермерша.

– Здесь хорошо устраивать пикники. Сидеть у ручья и есть крутые яйца.

– Салат с курицей и шоколадный кекс, – рассмеялась Теодора.

– Лимонад в термосе. Просыпанная соль.

Теодора перекатилась поудобнее.

– А знаешь, про муравьев все врут. Нет никаких муравьев. Коровы, может быть. Но я еще ни разу не видела на пикнике муравья.

– А быка? Обязательно кто-нибудь должен сказать: «В поле не ходи, там бык».

Теодора открыла один глаз.

– У тебя был дядюшка-юморист? Который что ни скажет, все смеются? И который советовал тебе не бояться быка: когда бык на тебя кинется, надо просто схватить его за кольцо в носу и раскрутить над головой?

Элинор бросила в ручей камешек; сквозь прозрачную воду было видно, как он медленно опустился на дно.

– У тебя много дядюшек?

– Тысячи. А у тебя?

Через минуту Элинор ответила:

– О да. Большие и маленькие, толстые и тощие…

– У тебя есть тетя Эдна?

– Тетя Мюриэль.

– Такая сухопарая? В круглых очках?

– С гранатовой брошкой.

– Она приходит на семейные торжества в темно-бордовом платье?

– Отделанном кружевом.

– Тогда, наверное, мы с тобой родственницы, – сказала Теодора. – У тебя были пластинки на зубах?

– Нет. Веснушки.

– Я ходила в частную школу, где меня учили делать реверансы.

– Я вечно болела зиму напролет. Мама заставляла меня носить шерстяные чулки.

– Моя мама заставляла брата приглашать меня на танцы, и я делала реверансы как очумелая. Брат до сих пор меня ненавидит.

– Я упала во время выпускной процессии.

– Я забыла свою партию в оперетте.

– Я писала стихи.

– Да, – сказала Теодора. – Теперь я точно знаю, что мы кузины.

Она со смехом села, и тут Элинор шепнула:

– Тише. Рядом кто-то есть.

Они застыли, прижавшись плечами и молча глядя на склон за ручьем. Трава там шевелилась: кто-то медленно и незримо пробирался по яркому зеленому холму. Солнечный свет померк, от ручья потянуло холодом.

– Кто это? – выдохнула Элинор.

Теодора крепко стиснула ее запястье.

– Ушел, – звонко произнесла Теодора. Снова выглянуло солнышко и стало тепло. – Это был кролик.

– Я его не видела, – сказала Элинор.

– Я заметила его в ту же минуту, как ты заговорила, – твердо объявила Теодора. – Это был кролик. Он скрылся за холмом.

– Мы тут слишком долго сидим. – Элинор с тревогой взглянула на солнце – оно уже коснулось холмов – и, встав с сырой травы, поняла, что у нее затекли ноги.

– Только вообразить! Две закаленные пикниками девицы испугались кролика, – рассмеялась Теодора.

Элинор протянула ей руку, помогая встать.

– Нам правда надо спешить, – сказала она и, поскольку сама не вполне понимала свою тревогу, добавила: – Может, другие уже приехали.

– Ладно, скоро мы сюда вернемся и устроим пикник, – заметила Теодора, следуя за Элинор вверх по тропинке. – Тут у ручья просто необходимо устроить пикник в классическом духе.

– Можно попросить миссис Дадли, чтобы она сварила нам яйца. – Элинор замерла и сказала, не оборачиваясь: – Теодора, ты знаешь, я не смогу. Честное слово, не смогу.

– Элинор. – Теодора положила руку ей на плечо. – Ты же не позволишь им нас разлучить? Теперь, когда выяснилось, что мы кузины?

3

1

Солнце плавно скользнуло за холмы, словно торопясь зарыться наконец в их мягкую зеленую перину. На лужайке перед домом лежали длинные тени. Теодора и Элинор подошли со стороны боковой террасы – безумный фасад Хилл-хауса, по счастью, уже скрыла тьма.

– Нас кто-то ждет, – сказала Элинор, прибавляя шаг, и в следующее мгновение впервые увидела Люка. Час любви, поверь, настанет, подумала она и сумела выговорить только неловкое: – Вы нас ищете?

Он подошел к перилам, сощурился, разглядывая их в сумерках, и тут же склонился в низком поклоне, который сопроводил широким приглашающим жестом.

– «Коль это мертвые, – продекламировал он, – то смерть желанна мне». Дамы, если вы – призрачные обитательницы Хилл-хауса, я останусь здесь навсегда.

Вот придурочный, строго подумала Элинор, а Теодора сказала:

– Простите, что мы вас не встретили. Мы ходили смотреть окрестности.

– Ничего, нас встретила чокнутая старуха с кислой физиономией, – ответил Люк. – «Здрасьте-здрасьте, – сказала она мне, – надеюсь, утром я застану вас живыми, а ваш обед стоит на буфете в столовой». Засим она отбыла в кабриолете новейшей модели вместе с первым и вторым убийцами.

– Миссис Дадли, – заметила Теодора. – Первый убийца – это, должно быть, Дадли-привратник, а второй, полагаю, граф Дракула. Чудесная семейка.

– Раз мы составляем перечень действующих лиц, – сказал он, – то меня зовут Люк Сандерсон.

– Так вы представитель семьи? – вырвалось у Элинор. – Владельцев Хилл-хауса? Не гость доктора Монтегю?

– Да, я представитель семьи и когда-нибудь унаследую сие величественное сооружение, а до тех пор я здесь в качестве гостя доктора Монтегю.

Теодора хихикнула.

– Мы, – сказала она, – Элинор и Теодора, две маленькие девочки, которые хотели расположиться у ручья на пикник, но испугались кролика и прибежали домой.

– Я смертельно боюсь кроликов, – вежливо согласился Люк. – А вы возьмете меня с собой, если я пообещаю нести корзину для пикника?

– Можете прихватить укулеле и развлекать нас музыкой, пока мы будем есть бутерброды с курицей. Доктор Монтегю здесь?

– Да. Любуется своим домом с привидениями.

Минуту они молчали. Всем троим хотелось подойти друг к другу поближе, сбиться в кучу. Наконец Теодора сказала тоненько:

– Как-то в темноте не очень это смешно, а?

Тяжелая парадная дверь распахнулась.

– Дамы, прошу вас. Заходите. Я – доктор Монтегю.

2

Впервые они стояли все вместе в большом темном вестибюле Хилл-хауса. Дом вокруг насторожился и засек их, над ними чутко спали холмы, мелкие завихрения воздуха, звука или движения беспокойно ждали и перешептывались, а центром сознания каким-то образом стало небольшое пространство, в котором они стояли, четыре отдельных человека, глядящих друг на друга с надеждой.

– Я очень рад, что все доехали благополучно и вовремя, – сказал доктор Монтегю. – Добро пожаловать, добро пожаловать в Хилл-хаус – хотя, возможно, эти чувства более пристало выразить вам, мой мальчик? И все равно, добро пожаловать, добро пожаловать. Люк, мой мальчик, вы смешаете нам мартини?

3

Доктор Монтегю с оптимизмом поднял бокал, отпил глоток и вздохнул.

– На троечку, – сказал он. – На троечку, мой мальчик. И тем не менее за наш успех в Хилл-хаусе.

– А что именно считается успехом в такого рода делах? – живо полюбопытствовал Люк.

Доктор рассмеялся.

– Скажем так. Я надеюсь, что все мы интересно проведем время, а моя книга заставит моих коллег прикусить язык. Я не говорю, что мы собрались здесь отдыхать, хотя у кого-то и могло сложиться такое впечатление: я надеюсь, что вы будете работать. Впрочем, конечно, работа бывает разная, не так ли? Записи, – произнес он веско, словно хватаясь за единственную прочную опору в

этом зыбком мире. – Записи. Мы будем вести записи – дело для многих вполне посильное.

– Лишь бы никто не каламбурил про спирт и спиритизм, – сказала Теодора, протягивая Люку пустой бокал.

– Спиритизм? – Доктор уставился на нее. – Ах да, конечно. Никто из нас… – Он замялся, хмурясь. – Конечно, нет.

И он трижды быстро отхлебнул коктейль.

– Все так странно, – проговорила Элинор. – Я хочу сказать, еще сегодня утром я гадала, каким будет Хилл-хаус, а теперь никак не поверю, что он существует на самом деле и мы здесь.

Они сидели в небольшой комнате, которую выбрал доктор: он провел их по узкому коридору и не сразу ее нашел, даже успел немного занервничать. Комната была определенно неуютная: с чересчур высоким потолком и узким изразцовым камином, откуда как будто веяло холодом, несмотря на то что Люк сразу развел огонь. Округлые сиденья кресел скользили, заставляя ерзать, свет от ламп под цветными бисерными абажурами не проникал в углы. Вся комната казалась темно-малиновой, стены были оклеены обоями с золотым тиснением, под ногами тускло отсвечивал спиральный узор ковра, с каминной полки бессмысленно ухмылялся мраморный купидон. Когда все на минуту замолчали, давящая атмосфера дома только сгустилась. Элинор, гадая, происходит это все на самом деле или она сейчас спит в каком-то бесконечно далеком безопасном месте и видит Хилл-хаус во сне, медленно и тщательно оглядела комнату, убеждая себя, что все вокруг настоящее, вещи – от изразцов камина до мраморного купидона – существуют въяве, а эти люди станут ее друзьями. Доктор – кругленький, розовощекий, бородатый – куда естественнее смотрелся бы у камина в уютной маленькой гостиной, с кошкой на коленях и тарелкой домашних булочек, которые принесла ему миниатюрная розовая жена. Однако это, без сомнения, был тот самый доктор Монтегю, чьи знания и упорство привели ее сюда. По другую сторону камина, напротив доктора, сидела Теодора, которая безошибочно выбрала единственное мало-мальски удобное кресло и свернулась в нем, перекинув ноги через подлокотник и прижавшись щекой к спинке. Она как кошка, подумала Элинор; кошка, которая ждет, что ее покормят. Люк ни на минуту не оставался в покое: он расхаживал по сумрачной комнате, наполнял бокалы, ворошил дрова в камине, трогал мраморного купидона, яркий

в свете огня и непоседливый. Все молчали, глядя в огонь, разомлев после долгой дороги, и Элинор подумала: я четвертая в этой комнате, одна из них. Я своя.

– Раз мы все здесь, – внезапно сказал Люк, словно и не было долгого молчания, – не стоит ли нам познакомиться? Пока мы знаем только имена. Мне известно, что в красном свитере – Элинор, следовательно, девушка в желтой блузке – Теодора…

– У доктора Монтегю борода, – добавила Теодора, – следовательно, вы Люк.

– А ты Теодора, – подхватила Элинор, – поскольку Элинор – это я.

«Я – Элинор, – торжествующе повторила она про себя. – Своя в этой компании, сижу с друзьями у камина и болтаю как ни в чем не бывало».

– Следовательно, ты – в красном свитере, – серьезно объяснила ей Теодора.

– У меня нет бороды, – сказал Люк, – следовательно, он – доктор Монтегю.

– У меня есть борода, – благодушно улыбнулся доктор Монтегю. – Моей жене, – сообщил он, – нравятся бороды. А многим другим женщинам – нет. Чисто выбритый мужчина – не в обиду вам будет сказано, мой мальчик, – по словам моей жены, выглядит не до конца одетым.

Он отсалютовал Люку бокалом.

– Теперь, когда я знаю, кто из нас я, – сказал Люк, – позвольте мне сообщить о себе дополнительные сведения. В частной жизни – допуская, что есть общественная жизнь, а все остальное частная, – так вот, в частной жизни я… дайте-ка сообразить… бандерильеро. Да, я бандерильеро, участвую в бое быков.

– Мою любовь зовут на Б, – не удержалась Элинор. – Я люблю его, потому что он бородатый.

– Истинная правда, – кивнул Люк. – А значит, я – доктор Монтегю. Я живу в Бангкоке, и мое хобби – бегать за юбками.

– А вот и нет, – с улыбкой возразил доктор Монтегю. – Я живу в Бельмонте.

Теодора рассмеялась и бросила на Люка тот же быстрый, понимающий взгляд, что прежде на Элинор. Той подумалось, что тяжело, наверное, постоянно находиться рядом с таким чутким человеком, как Теодора, ловящим на лету каждую мысль, каждое движение души.

– Я по профессии натурщица, – быстро сказала Элинор, чтобы заглушить собственные мысли. – Я веду беспутную жизнь, брожу, завернувшись в длинную шаль, из мансарды в мансарду.

– Вы бессердечны и непостоянны? – спросил Люк. – Или вы из тех хрупких созданий, что влюбляются в сына лорда и чахнут во цвете лет?

– Надсадно кашляя и теряя красоту? – добавила Теодора.

– Я бы скорее сказала, что у меня широкое сердце, – задумчиво проговорила Элинор, – во всяком случае, мои романы обсуждают во всех артистических кафе.

«Боже мой, – подумала она, – боже мой, что я несу?»

– Увы, – сказала Теодора, – а я – дочь лорда. Обычно я хожу в парче, шелке и кружевах, но сегодня, чтобы предстать перед вами, одолжила наряд у горничной. Конечно, я могу так влюбиться в обычную жизнь, что не вернусь домой, и бедняжке придется покупать себе новую одежду. А кто вы, доктор Монтегю?

Он улыбнулся в свете камина.

– Странник. Пилигрим.

– Замечательная компания, – одобрительно произнес Люк. – Мы просто не можем не подружиться. Гетера, пилигрим, принцесса и тореадор. Хилл-хаус точно никогда не видел подобного общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Баллехин-хаус – усадьба в Пертшире. Выстроена в 1806 году, сгорела в 1963-м; пользовалась репутацией «самого нехорошего дома в Шотландии». По слухам, там происходили различные сверхъестественные события, включая явления духа умершей монахини. Общество паранормальных исследований сняло дом на длительный срок и в 1899 году опубликовало в газетах подробный отчет о своих наблюдениях.

2

Шекспир У. Песенка шута из «Двенадцатой ночи», перевод А. Кронеберга.

3

Синяя комната – в сказке Перро та каморка, в которой Синяя Борода прятал тела убитых жен. Анна – сестра героини; когда муж требует несчастную женщину на расправу, та несколько раз спрашивает: «Анна, сестрица Анна, ты ничего не видишь?» (то есть «Не едут ли братья нам на помощь?»).

Купить: https://tellnovel.com/dzhekson_shirli/prizrak-doma-na-holme

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити